

града. Текст вавилонской грамоты в «Слове о Вавилоне» также содержит предсказание, что «греческий» царь Ливуй со своей царицей должен унаследовать знаки царской власти от царя Навуходоносора, который в христианской литературе был символом первой на земле неограниченной царской власти.¹³ Таким образом, по содержанию своему «Слово о Вавилоне» — легенда.¹⁴

Удается проследить текстологическую зависимость «Слова о Вавилоне» от апокрифического «Слова о Макарии Римском»: в апокрифе три монаха отправлялись в поход из Месопотамского монастыря, из земли «сурьстей»; в «Слове о Вавилоне» первым намерением «греческого» царя было отправить в Вавилон «3 человек ... роду сурьска» («Слово о Макарии Римском» было распространено на Руси с середины XIV в.).¹⁵ Автор «Слова о Вавилоне» как бы отталкивается от сюжетной канвы «Слова о Макарии Римском» (его первой части). В апокрифе повествуется о путешествии трех монахов в поисках рая, в «Слове о Вавилоне» — о походе трех «мужей» в поисках царских регалий. В «Слове о Вавилоне», так же как и в апокрифе, каждый из трех путешественников поименован (в апокрифе это Феофил, Сергей и Угинови), а пройденное ими расстояние измеряется днями.

Слагая новую легенду, автор «Слова о Вавилоне» свободно пользуется приемами русского народно-поэтического творчества. Повествование в «Слове» начинается в духе сказочных зачинов, загадочным отказом посланцев идти в Вавилон в том составе, в котором царь намеревался их послать. Побуждаемые неизвестными еще читателям соображениями, три человека сирийского «роду» просят послать в Вавилон непременно трех человек, владеющих тремя разными языками: «Они же рекоша: „Неподобно нам тамо ити, но пошли из Грек гричина, из Без обяжанина, из Руси русина“. И посла, яко хотяхут». Загадка с отказом находит объяснение лишь после того, как три путешественника оказываются перед лестницей, ведущей в Вавилон-град, на которой они должны прочесть надпись соответственно на трех языках: «по-греческы», «по-обезкы» и «по-рускы».

Последовательное развитие фабулы «Слова о Вавилоне» (еще полностью совпадающей с сюжетом) иногда задерживается введением второстепенных, додуманных автором ситуаций, написанных им по мотивам народных сказок и былин. Таков эпизод с описанием возвращения трех «мужей» из Вавилона. Спускающийся с лестницы «обежанин» запинается за 15-ю (!) ступень и падает на спящего, обвинившегося вокруг города змея. Змей медленно пробуждается: «И вѣсташа на змеи чешуя акы волны морьскыя». Когда, пробравшись сквозь «былие», заросли и гадов, три «мужа» садятся на коней, раздаётся страшный свист змея, от которого они «быша акы мертвы». Змеинный свист долетает до стана царя Василия, расположенного за «15 днии» пути, и повергает замертво наземь, ослепляет все царское войско (ср. падение ниц от свиста Соловья-разбойника Владимира Красна Солнышка и его бояр). От свиста сказочно-былинного змея погибает бас-

¹³ Там же.

¹⁴ О том, что легенда — жанр и как жанр возникает из апокрифа, М. О. Скрипилъ пишет в своей работе «Легендарно-политические сказания древней Руси» (Доклады и сообщения Филологического института Ленингр. гос. унив., вып. 2, Л., 1950, стр. 52), но это вопрос особый.

¹⁵ Этот апокриф внесен в индекс молитвенника митр. Киприана, см.: А. И. Никифоров. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русской письменности. — Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанск. унив., т. XXXII, Казань, 1922, вып. 2, стр. 166—167, 171; П. С. Тихонравов. Сочинения, т. I, М., 1898, прим. 73 на стр. 35.